

Злата
ЗОРИЧ

РАЗВОД
В 50

(НЕ) ОСТАНУСЬ ОДНА
на новогодние!

Злата Зорич

Развод в 50. (не) останусь одна на новогодние!

<https://litres.ru/74204409>

Аннотация

— Старый ты козёл, Ковалёв, — сказала я, медленно качая головой. — Ну... спасибо, что хоть не на нашей кровати! Постелил на диванчике...

Мне было пятьдесят лет, когда измена любимого мужа разрушила всю мою жизнь. Я не показывала, что мне больно, а сама выла в подушку по ночам. Но всё-таки настояла на разводе. А тут ещё травма, которая лишила меня возможности полноценно двигаться, добавила проблем. Мне часто нужна помощь, но помощи нет — муж с молодухой, у взрослых детей давно уже свои семьи, у подруг свои дела... Жизнь кончена?

Как бы не так! Никаким проблемам меня не сломить. Останусь одна на новогодние — ну и что же?

Тем более, что меня уже поджидает дорогой подарочек от судьбы на Новый год. Правда, приму я его далеко не сразу...

ХЭ гарантирован для неунывающей героини!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Визуалы героев 1	10
Визуалы героев 2	11
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

Я никогда особенно не верила в судьбу — ни в её милость, ни в её жестокость. Но в тот промозглый февральский день она, кажется, решила обрушиться на меня со всей силой.

Хотя, если честно, я и сама виновата: ну кто в гололёд пойдёт на работу пешком, упрямо желая нашагать свои привычные десять тысяч шагов ради сохранения фигуры? Муж настойчиво предлагал меня подвезти, но я упёрлась рогом.

В тот день наш город превратился в каток. В смертоносную полосу препятствий — скользкую, как совесть моего мужа. Дул пронизывающий ветер, мороз нещадно кусал мне щеки, но я шла — потому что так правильно, так полезно. Я уже мысленно похвалила себя за то, что не испугалась гололёда... как вдруг под ногой предательски поехала тонкая корочка льда. Я нелепо взмахнула руками, пытаюсь поймать равновесие — и не поймала.

Вместо этого мои ноги взлетели выше головы — и я со всего размаху шмякнулась на ледяной тротуар.

Удар был таким сильным, что в глазах замелькали звёздочки. Правая рука, на которую я приземлилась, неприятно хрустнула, бок обожгло, будто по мне прошлись раскалённым утюгом. Лёжа плашмя на дороге, я почему-то думала не о самой себе, а о работе — о том, что сегодня я, наверное, опоздаю, впервые за много-много лет. Что придётся, навер-

ное, взять больничный...

Ну уж нет, не на ту напали! Вот сейчас я немного отдохну, встану и... Ой-ей-ей.... При попытке подняться меня пронзила такая сильная боль, что я снова беспомощно растянулась на снегу.

Мужчины проходили мимо, спеша по своим делам, и мне помогла подняться добрая женщина — она же вызвала мне такси и затащила внутрь. Травмпункт встретил меня бесконечной очередью и бесконечными же историями о зимних травмах.

Мне сделали снимок, намазали чем-то пахучим, замотали в гипс и велели беречься. Я и сама мечтала только об одном — дойти до кровати и упасть в тёплое одеяло. Как минимум весь оставшийся день я собиралась провести в покое и тишине, но, к сожалению, впереди меня ждал ещё один неприятный сюрприз...

Я дошла до дома — вернее, дотащилась. Лифт сломался, как на зло, именно сейчас. На пятом этаже я уже думала, что проще лечь и лежать на лестнице, чем сделать ещё хоть один шаг. Но я всё-таки доползла до своей квартиры, вставила ключ и толкнула дверь.

Внутри было тихо и тепло, даже жарко. А из гостиной доносились какие-то шорохи... Странно, ведь в это время Андрей должен был быть на работе, а больше с нами уже давно никто не живёт.

Я напрягла слух. Постояла так секунду. Потом резко толк-

нула дверь гостиной здоровым плечом.

И увидела, что на разобранном диванчике — том самом, который раскладывался только под гостей — раскинулась картина, настолько банальная, что я бы плюнула в сценариста, если бы увидела подобное в кино. Но, оказалось, что реальная жизнь так любит штампованные сюжеты...

Мой муж Андрей. И с ним женщина, лет на пятнадцать меня моложе. С выражением лица, которое мгновенно сменялось с лёгкого удовольствия на страх.

И всё это безобразие — на дорогом постельном белье цвета изысканной слоновой кости, которое я выбирала, гладила, берегла! И сейчас оно было безжалостно смято телами так, будто по нему прошлись танки измены.

Глава 2

Я ещё раз медленно оглядела всю композицию: смятое бельё, разобранный диванчик, голые пятки молодой сотрудницы банка, которая явно рассчитывала на премию. Та самая коллега мужа, чьё имя я слышала от него неоднократно, сейчас быстро натягивала на плечи свою строгую, офисную блузку.

А я смотрела блестящую от пота лысину моего копошащегося мужа и думала:

«Так вот почему он внезапно засобирался в Турцию на пересадку волос... Ради этой вот. Раньше ему эта лысина совершенно не мешала...»

Мой дорогой супруг всё ещё не до конца понимал, какая драма разразилась, потому что без очков был слеп, как крот. Он пыхтел и шарил рукой по подлокотнику.

— Где же они?.. Да подожди ты, сейчас...

И только когда он наконец надел дрожащими пальцами очки — он увидел меня. Женщину, с которой прожил в браке больше тридцати счастливых лет и вырастил двоих прекрасных детей и одну чудесную внучку.

Он застыл, замер. Открыл рот, но, кажется, даже перестал дышать. Лысина его багровела на глазах, стала практически пунцовой. На миг мне показалось, что беднягу хватит удар.

— Старый ты козёл, Ковалёв, — сказала я, медленно ка-

чая головой. — Ну... спасибо, что хоть не на нашей кровати! Постелил на диванчике...

Девушка пискнула и натянула одеяло до подбородка. А Андрей, всё ещё пунцовый, вспотевший и совершенно жалкий, бормотал что-то оправдательное.

— Оставь объяснения. У меня сегодня был чертовски хреновый день, так что давай не будем делать вид, что я не заметила очевидное, — я резко оборвала поток его бессвязного бреда. — Меня интересует только одно — почему, Андрей? Почему именно дома? У всех нормальных людей — гостиницы, съемные квартиры, машины с тонировкой, в конце концов... Нет, надо было обязательно довести до того, что я, пробившись через гололёд, травмпункт и сломанный лифт, вернулась домой и увидела вот это!

— Ларочка... Дорогая... Я... — Андрей начал судорожно одеваться.

Я подняла свою замотанную руку, как жезл регулировщика дорожного движения:

— Ковалёв, я даже истерику устраивать не буду. Я слишком взрослая для этого. И слишком устала. Просто соберите всё, что вы тут понаразбрасывали, и освободите мне квартиру!

Я всегда думала, что самое страшное — это потерять что-то, что создавалось десятилетиями. Например, работу, карьеру... Но оказалось, что куда хуже — потерять то, что ты считала неизменным. Я знала, что наш долгий брак давно

уже держится не на страсти, не на романтике... А, как я думала, на чём-то куда более прочном. На общих ценностях и интересах. На честности. На уважении, в конце концов!

Я ошиблась. И это «ошиблась» оказалось слишком слабым словом, чтобы описать то, что той зимой разнесло мою жизнь в пыль.

Мне было пятьдесят лет, и я уверенно и твёрдо стояла на ногах. Я руководила одним из крупнейших подразделений известного мясокомбината. Ответственная, упрямая, привыкшая принимать решения, к которым другие боялись даже подступить. В коллективе меня побаивались и уважали. Дома — будто бы любили. А я... я, кажется, тогда ещё верила, что сила женщины проявляется не только в умении вырастить детей и построить карьеру, но и в её умении сохранить семью. Глупость, как оказалось.

Семья, увы, никогда не удержится на усилиях одного — какой бы сильной ты ни была.

Визуалы героев 1

Дорогие читатели!

Позвольте представить вам нашу героиню -
Лариса Ковалёва.

Ей 50 лет, она активная и бодрая женщина в самом расцвете сил,

вырастила и подняла на ноги двоих детей, а теперь поднимает внучку,

занимает руководящую должность на производстве, регулярно ходит в бассейн и на групповые занятия в зал.

Предательство мужа сильно надломило её, хоть она и старается этого не показывать. Окружающие знают её как сильную и волевою, "железную леди", хотя в душе она всегда была чувствительной и очень ранимой. Не привыкла, чтобы её жалели, и не привыкла просить помощи.

Но в новых обстоятельствах ей придётся этому научиться...

Визуалы героев 2

А это муж Ларисы, Андрей Ковалёв

Ему 54, он управляющий Филиалом в небольшом региональном банке

Познакомился с будущей супругой ещё в студенчестве, и с тех пор они не расставались

Пережили вместе многое - и безработицу, и безденежье, и проблемы со здоровьем.

Но его интрижку с подчинённой пережить не смогли...

Глава 3

Я прикрыла дверь гостиной и, не глядя по сторонам, ушла на кухню. Нужно дать им время хотя бы одеться. А мне нужно время, чтобы немного прийти в себя.

Я добралась до табурета, села, обеими руками уперлась в стол. Мне показалось, что я только что пробежала марафон, хотя я всего лишь прошаркала три метра от двери до кухни.

А в гостиной тем временем продолжалась суeta, возня... Звуки, от которых у меня внутри всё сжималось.

Я повернула голову к окну. Там лежал снег — белый, чистый, ровный. И почему-то я подумала: *вот бы сейчас просто выйти и идти, идти, идти, пока не кончатся улицы, дома, города, пока не останется только дорога и воздух.*

Но я теперь даже передвигаться нормально не могу... Подтянутое, тренированное тело превратилось в сгусток боли.

Мне казалось, что прошло минут сорок. На самом деле — минуты две или три. Я просто сидела, не моргая, слушала собственное дыхание и не могла понять одну простую вещь — как мне теперь жить дальше?

Я знала, что вот-вот увижу их — одетых, пристыженных — и должна буду что-то решить.

Хотя на самом деле решение уже случилось. Просто я ещё не осознала, насколько оно необратимо.

Я услышала какое-то копошение в коридоре. Ну вот. Сейчас они появятся — мой лысоватый банкир и его моложавая коллега.

Дверь спальни приоткрылась — сначала узенькая щёлка, будто там решали, безопасно ли вообще выходить. А потом “карьеристка банковского сектора” выскользнула наружу. Не вышла, а именно выскользнула, как тёплое мыло из мокрых рук. Не поднимая взгляда, она рванула к выходу из квартиры.

Когда за ней захлопнулась дверь, на кухню зашёл мой дражайший супруг.

— Что же она не попрощалась? — спросила я. — Как-то невежливо. А я ведь даже чаю не предложила.

Ковалёв стоял, красный как варёный рак. Лысина блестела от пота. Он нерешительно кашлянул. Потёр переносицу. Попытался улыбнуться — получилась судорога.

— Лара... давай поговорим спокойно...

— Так я вроде и не кричу.

Он оглядел меня ещё раз и только сейчас заметил, что я вся перемотана бинтами как мумия.

— Ларочка... А что с тобой случилось? Я же просил тебя сегодня пешком не ходить!

А я подумала про себя, что, если бы не сегодняшнее падение, я так и ходила бы в дураках. Вернее, в дурах. Задевая рогами потолок...

Пока я раздумывала над этим, Ковалёв сел напротив ме-

ня. Сцепил пальцы, положил руки на стол, несколько раз медленно втянул и выдохнул воздух — и посмотрел на меня.

И это был не тот взгляд, который я ожидала увидеть. Не виноватый. Не стыдливый. Не испуганный.

Нет. Он смотрел... восторженно?!

— Лариса... — начал он тихо. — Пожалуйста, выслушай меня.

Я смотрела на него из-под полуприкрытых век, ожидая услышать набор банальностей. Что-то вроде «я ошибся», «это не то, что ты подумала», «это было первый и последний раз». «Прости меня», в конце концов. Это не значит, что я бы его простила, однако я ожидала это услышать.

Но на этот раз он сильно удивил меня. И то, что он сказал дальше, было хуже любой банальности.

— Я... Я, кажется, влюбился.

Он выпалил эту фразу и сразу же продолжил, торопясь, чтобы я не успела вставить ни слова:

— Понимаю, как это звучит. Да, я взрослый мужчина, но... Это случилось. Понимаешь? Влюбился как подросток. Глупо. Смешно. Но это... по-настоящему.

Каждое его слово вонзалось в меня, как нож.

Он говорил о любви, но не ко мне, своей законной жене, а к ней. К той вертихвостке, что только что ускакала из коридора.

Он говорил тихо, взволнованно, с каким-то нежным дрожанием в голосе. Такого я не слышала за последние... два-

дцать девять лет.

— Лара... я не хотел, чтобы так вышло, — он нервно сжал руки. — Я долго думал, что это просто... увлечение. Ошибка. Но это не ошибка. Это... чувство. Настоящее. Такое, знаешь... ты, наверное, смеяться будешь... но я иду на работу и улыбаюсь. Я ложусь спать и думаю о ней. Я... счастлив. Как дурак. Как подросток.

Я повернула голову, чтобы он не увидел, как у меня дрогнули губы.

А он продолжал говорить, не замечая, как меня корёжит: — Я знаю, что виноват. Знаю. Но... я хочу быть с ней. Я правда хочу этого. Это не интрижка, не что-то мимолётное. Это любовь.

И тут он сделал самое ужасное, что только мог. Он посмотрел на меня с... жалостью. С осторожной теплотой, будто всё ещё боялся меня ранить... Хотя ранил меня уже на уровне ампутации.

— Прости, Лара.

Эти два слова меня просто добили.

А он смотрел на меня смущённо и радостно, как будто внутри у него включили яркий, праздничный свет.

Глава 4

Я вообще не понимала, как мне удаётся сидеть прямо, и ничем не выдать того, что внутри меня всё трещит, ломается, рассыпается по швам.

Я смотрела в его сияющие глаза, которые когда-то сияли при виде меня. Когда-то очень давно... Видела, как бережно он произносит каждую фразу о другой женщине, как будто держит в ладонях что-то хрупкое и бесконечно дорогое.

— Старый дурак, — презрительно бросила я. Потому что ну что ещё можно сказать человеку, который сообщает тебе о своём счастье, в котором для тебя не нашлось места?

Он вскинул брови, но, кажется, его это даже не обидело. Наоборот, он улыбнулся по-мальчишески.

— Ну почему же старый? — произнёс он, поправляя рубашку и как-то даже расправляясь плечами. — Я ещё молод. И очень даже ничего...

Будто он наконец стал тем, кем давно хотел себя видеть — живым, лёгким, влюблённым... Таким, каким он никогда не мог быть со мной.

И я наконец поняла, что больше не могу просто сидеть и слушать, как он рассказывает мне о своей новой, прекрасной жизни. Бессовестный...

— А мне ты... Мне-то ты это зачем всё рассказываешь? — выдавила я из-за себя.

— Потому что я не могу тебе врать, Лара. Ты мой самый важный, самый близкий на свете человек, — он чуть наклонился вперёд, словно собирался меня приобнять и утешить. — Кому как не тебе можно выложить всё, как на духу? Ты же... Ты мне как родственник!

Слово «родственник» хлестнуло по щекам. Как пощёчина, от которой остался след, горячий и унижительный.

Родственник. Не женщина. Не любимая. Человек, с которым делят холодильник, счета и воспоминания — но не сердце.

Мне понадобилось нечеловеческое усилие, чтобы удержать лицо спокойным. Я даже кивнула — машинально, по старой семейной привычке сглаживать углы, чтобы «не усугублять». А внутри всё умирало.

— Родственник... — повторила я, глядя на свои руки, чтобы не смотреть на него.

Он, конечно, не понял, что сказал что-то не так. С его стороны это вроде как был комплимент. Он улыбнулся даже — благодарно, по-доброму, как будто я поддержала его, одобрила весь этот спектакль с его второй молодостью.

И в этот момент мне стало по-настоящему ясно: он уже давно не здесь, не со мной. Он давно принадлежит совсем другой жизни, в которой я — не женщина, а родственник, с которым пришли поделиться радостью.

Конец нашего брака оказался не громким и драматичным, а до обидного будничным.

И, наверное, от этого было большее всего.

Я выдержала паузу и произнесла ровно:

— Раз так... — я кивнула в сторону двери, за которой исчезла его муза. — Тогда тебе действительно пора собирать вещи.

— Ларочка... но ты...

— Я всё поняла, хватит, — отрезала я. — Я не собираюсь тут сидеть и выслушивать твои сопли. Хватит с меня твоей... подростковой романтики. Просто собирай вещи и уходи. Не забудь только взять тонометр, таблетки от давления и лосьон для головы, чтобы окончательно не облысеть. Надо втирать каждый день, помнишь?

— Лариса...

— Ковалёв, — я устало улыбнулась. — Ты взрослый мужчина. Ты же смог организовать *весь этот цирк*? Вот и организуй себе выход.

Он замолчал. Я же поднялась осторожно, держась за стол — рука снова кольнула болью — и сказала:

— У тебя ровно час. Я дам тебе большие пакеты для мусора — туда сложишь всё, что тебе нужно.

— Дорогая, ты же болеешь, — Андрей с тревогой посмотрел на замотанное бинтами плечо. — Тебе нужна помощь. Как ты будешь без меня? Давай я пока останусь, чтобы за тобой ухаживать...

— Ещё одно слово, Ковалёв, и тебе самому понадобится помощь, — процедила я сквозь зубы. — Клянусь! Я и так

сдерживаю себя из последних сил. Еще слово — и ты сам поедешь в травматологию, я лично тебе это организую!

И пошаркала в сторону спальни, чтобы начать собирать его вещи. Он что, думает, что я беспомощная? Не на ту попал!

Андрей бесконечно долго собирал свои пожитки. Целых два дня! Он никогда не отличался расторопностью, а с возрастом вообще стал ужасно медлительным. Он делал это молча, пряча виноватые глаза.

Я же не могла спокойно за этим наблюдать и активно участвовала в сборах. Всё что осталось у нас после тридцати лет совместной жизни безжалостно перекочевывало в пакеты и чемоданы. Без сожалений. Без ненависти. Просто с холодным пониманием: всё, что мы строили, уже давно рухнуло.

Потом была моя первая одинокая ночь, за время которой я ни разу не сомкнула глаз. Я сидела на кухне, смотрела в окно, за которым падал снег, и думала, что, наверное, должна выплакать всё, что комом встало в горле, но заплакать мне так и не удалось.

На следующий день я подала на развод.

Дорогие читательницы!

**Хочу пригласить вас в мой цикл историй
о сильных женщинах на пути от развода к счастью:
"Развод на удачу"!**

<https://litnet.com/ru/zlata-zorich-u12208106/novels?>

[sort=cycles&scroll-to=](#)

[%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%BE](#)

[%D0%B4+%D0%BD%D0%B0+](#)

[%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%87%D1%83+%28+](#)

[%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8](#)

[+%D0%BA%D0%B0%D0%BA+%D0%BE](#)

[%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C](#)

[%D0%BD%D1%8B%D0%B5+](#)

[%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE](#)

[%D1%80%D0%B8%D0%B8%29](#)

9 книг — читаются как отдельные истории о сильных женщинах, которые находят свое счастье после предательства. Если вам по душе мой стиль, вы оцените и другие книги цикла!

Все книги можно читать как отдельные романы.

Горячие новинки в процессе:

Развод в 45. Первая причина — это ты <https://litnet.com/shrt/EO7m> Развод в 50. (He) останусь одна на Новогодние! <https://litnet.com/shrt/2sLG>

Развод с горцем (HE)возможен! Мне придётся бежать... <https://litnet.com/shrt/O8Yr>

Полностью завершённые романы:

Пара прицепов для босса <https://litnet.com/shrt/7R8O> Измена... С чистого холста! <https://litnet.com/shrt/Z6yI> Измена.

Месть домохозяйки и авторитета https://litnet.com/shrt/1X_6
Измена. Отомстить нельзя помиловать <https://litnet.com/shrt/XP4Z> Измена. Решил избавиться от меня, предатель? <https://litnet.com/shrt/4jzu> Развод в 45. Счастье после тебя <https://litnet.com/shrt/F11M>

Добавьте книги в библиотеку, чтобы не потерять!

Глава 5

Самым тяжёлым моментом оказался даже не сам развод. Самым тяжелым было то, что последовало за разводом. Потому что надо было учиться жить дальше, а я... Я просто не знала как. Я никогда не была одинокой. Всю жизнь для меня самым важным была моя семья, а теперь... Сначала дети выросли, а потом муж... неожиданно впал в детство.

Мы с ним договорились об условиях развода очень быстро. Удивительно быстро, учитывая, что вместе мы прожили больше тридцати лет. Делить нам, в общем-то было почти нечего, а о том, что было, мы смогли цивилизованно договориться. Каждый оставался при своём — у нас были личные сбережения, а общее решили поделить пополам согласно букве закона.

Сам развод тоже оформили быстро. Даже неприятно было: создавалось ощущение, что я просто расписалась за получение какой-то посылки, а не завершила тридцати лет совместной жизни.

Что-то очень горькое было в том, что бракоразводный процесс занял меньше времени, чем покупка холодильника, который мы когда-то выбирали почти месяц.

Квартира у нас была большая, четырёхкомнатная — я до сих пор помнила, как мы таскали туда нашу первую мебель, как красили стены, как двое малышей гонялись друг за дру-

гом по коридору, а мы с мужем смеялись, держась за руки. Но после того, как малыши выросли и вылетели из гнезда, эта квартира стала казаться слишком просторной. Даже для нас двоих она в последние годы звенела пустотой. А уж для меня одной она стала бы огромным музеем нашего общего прошлого. С ней нужно было прощаться...

Мы продали наше семейное гнёздышко молодожёнам. Я помню день продажи как сейчас: сидим с риэлтором, подписываем бумажки, пьем кофе в пластиковом стакане, а я вдруг ловлю себя на том, что смотрю не на документы, а на его руки — те самые, знакомые до последнего изгиба пальца. И думаю: как странно, что я когда-то знала наизусть, где у него маленькая родинка под запястьем, а теперь смотрю на эти же руки как на руки соседа, с которым случайно столкнулась в лифте. Он больше никогда не сможет меня обнять... И почему от этого так горько?

Андрей купил себе двушку поближе к работе, в которой поселился со своей новой мадамой, а я выбрала маленькую однушку в спальном районе не слишком далеко от центра — с окнами на парк и длинной лоджией, на которой можно было поставить кресло и читать по вечерам. Это была новостройка с белыми стенами, поэтому её нужно было обживать с нуля. Впервые я могла выбрать всё сама, не считаясь ни с кем — от цвета штор до того, на какой полке будет стоять сахарница. И в этом тоже была особая боль.

Потому что я понимала: теперь так будет всегда. Я навсе-

гда останусь одинокой. Больше никто не подставит мне плечо, не подвезет до дома после работы, не нальет мне, уставшей, чай. И какой бы сильной я ни была — я устала. Устала прятать трещины и улыбаться.

На сдачу после всех разменов я наконец-то купила себе машину. И не какую-то маленькую «дамскую» машинку, яркую и компактную. Нет. Я взяла большую чёрную машину, на которой чувствуешь себя защищённой, даже если в жизни всё рассыпается. Мне нужно было что-то громоздкое, металлическое, мощное — чтобы хоть как-то компенсировать свою собственную хрупкость, которую я ненавидела.

Когда-то давно я сдала на права, но потом меня всё равно везде возил муж, а права лежали в кошельке как бесполезный талисман. Пришлось садиться за руль впервые после почти двадцатилетнего перерыва — руки дрожали, как у новичка. Я сидела за рулём в первый день и думала, что, возможно, легче было бы переучиться на хирурга, чем попасть на парковочное место между двумя огромными внедорожниками. Но зато впервые за тот год я ощутила хоть что-то похожее на контроль. Пусть даже иллюзорный. Машина слушалась, поворачивала, ехала туда, куда хочу я, а не куда жизнь занесет. И это давало мне сил дожить до вечера.

Но вечерами было хуже всего. Я приезжала в свою одинокую квартиру, в которой меня никто не ждал — и первым делом шла к шкафу, где лежали сладости. Причём я прекрасно понимала, что делаю. Понимала, что заедаю тревогу, пусто-

ту, страх, вот это тупое ощущение «что со мной будет дальше», и всё равно продолжала. Шоколад действовал как выключатель для мыслей, а мне иногда хотелось перестать так много думать хотя бы на час.

Подруги часто звонили мне, пытались вытащить, чтобы развеяться — но я отказывалась. Не потому, что не любила их, а потому что не хотела объяснять, почему я опять дома и почему мне снова «неудобно встретиться». Я не могла признаться им в том, что разваливаюсь на части в самом прямом смысле этого слова.

Потому что мой эпический полёт на льду, который закончился травмпунктом, оказался не просто ушибом, как предполагал дежурный врач, а чем-то куда более серьёзным. Сначала я мужественно терпела боль, но через несколько недель стало ясно: рука не поднимается, бок ноет, а я не могу спать от боли по ночам. А ещё почему-то начала отниматься нога, которая, как показалось сначала, почти не пострадала.

На фоне развода, переезда и бесконечной бумажной волокиты мне было некогда заниматься собственным здоровьем. А когда я дошла, наконец, до нормального обследования, оказалось, что-то у меня был трещинный перелом, который я благополучно замотала шерстяным шарфом и продолжала работать, потому что на тот момент мне было не до себя.

Рука и рёбра болели, но терпимо. А вот нога... с ней была какая-то странная история. Очередной врач в очередной раз уверенно сказал, что «не видит ничего серьёзного», но

нога как будто постепенно отключалась. Я не могла даже наступить на нее нормально, и приходилось опираться на стену, как пожилой человек. И самое неприятное — никто не понимал, что именно происходит. Анализы — нормальные. Снимки — нормальные. А я сама — нет. Моё тело вдруг перестало мне подчиняться.

И вот от этой неопределенности стало ещё хуже. Я буквально закрылась в четырёх стенах и в себе. Практически не выходила из дома — только на работу. И стремительно начала набирать вес. Мне стольких усилий стоило держать себя в форме, а для того, чтобы эту форму потерять, достаточно было лишь слегка отпустить контроль.

Однажды утром, собираясь на работу, я решила немного поднять себе настроение и надеть своё любимое платье, которое всегда сидело идеально. Так я обнаружила, что молния просто не застёгивается. Правда, от которой не спрячешься, предстала передо мной во всей красе — я запустила себя. Реально запустила: набрала вес, стала прогуливать косметолога, даже волосы перестала подкрашивать. И это было самое болезненное, потому что я всегда держала себя в форме, всегда была в движении, в тонусе, в каком-то внутреннем ритме, который теперь просто исчез.

Я стояла перед зеркалом и думала: надо взять себя в руки. И сразу же понимала, что не могу. Не то чтобы не хочу — я физически не могу заставить ногу пройти лишние двести метров. Не могу пойти в зал, где люди прыгают под музыку,

когда мне больно просто подняться по лестнице. Я оказалась в каком-то внутреннем капкане.

Работа становилась единственным местом, где я всё ещё оставалась собой — или хотя бы кем-то похожим. Но потом... Отработала, села в свою громоздкую чёрную машину, отстояла пробки, доехала, открыла дверь, включила сериал, достала сладкое — и так день за днём.

Я чувствовала, что теряю себя, но была слишком вымотана, чтобы остановиться и хотя бы попытаться спастись.

Да, я запустила себя, но, если быть совсем честной, в тот момент я просто выживала.

Глава 6

К Новому году все почему-то внезапно активизировались и начали за меня волноваться. Тревога окружающих стала накапливаться, как снег у подъезда — сначала вроде ничего, а потом уже не пройти.

Мне по очереди позвонили три ближайшие подруги, которые как будто специально договорились между собой. Все начинали примерно одинаково — бодро, заботливо, с этой особенной интонацией людей, которые очень стараются быть деликатными.

— Лар, слушай, а давай отметим, как в старые-добрые, а? Числа двадцать девятого, например. Нарядимся, накрасимся, потанцуем, как раньше.

— Идея хорошая, — отвечала я. — Давай в другой раз...

Мне не хотелось наряжаться. Не хотелось танцевать. Я не была в ресурсе для праздника по расписанию.

Они не давили. Только вздыхали немного и тут же начинали рассказывать, кто что купил, у кого какие планы, какие платья висят наготове. Я слушала и кивала, подъедая шоколадное печенье из коробки и глядя одним глазком на телевизор, по которому шло очередное реалити. В последнее время я серьёзно на них подседала. Не потому, что это было интересно — скорее потому, что чужие проблемы отвлекали меня от собственных. Очень удобно: пока они выясняют отношения,

ты можешь просто сидеть, жевать печенье и совершенно ни о чём не думать.

В какой-то момент я решила, что, возможно, именно так и будет выглядеть мой Новый год — в пижаме, под пледом, с шоколадным печеньем и телевизором, который разговаривает вместо людей.

— Лар, ну если вдруг передумаешь... — говорили подруги. — Мы будем рады. И это... Ты приходи к нам в гости на Новый год. Будем вместе отмечать. Вместе всё-таки веселей...

Но я физически не могла заставить себя пойти туда, где когда-то мы были вдвоём с Ковалёвым. В те же самые квартиры, за те же самые столы, где я ещё совсем недавно сидела в статусе «счастливой жены», а теперь должна буду прийти в статусе «несчастной брошенки».

Я представляла себе, как буду ловить на себе сочувственные взгляды. Как кто-то обязательно скажет: «Ну как ты там, держишься?». Или как найдётся кто-нибудь особенно тактичный, кто прошепчет: «Да как он мог? А у него с ней всё серьёзно?» — будто я обязана быть в курсе его новой жизни.

Я не хотела отвечать ни на один из этих вопросов.

Я бы с удовольствием провела этот Новый год с внучкой. Разбирать новые игрушки, клеить снежинки, слушать детский смех — всё то, ради чего вообще существуют праздники. Но и тут жизнь решила меня не щадить.

В октябре сыну предложили перспективную работу — от-

казываться было глупо. И в ноябре он, уложив чемоданы, уехал в другой город вместе с семьёй. Дочь с мужем ещё за год до этого запланировали отпуск на Новый год на берегу океана.

В итоге к декабрю у меня не осталось ни одного варианта, который можно было бы назвать приемлемым. Не будет у меня ни шумного стола, ни детского смеха, ни привычного ощущения, что праздник — это когда все вместе. Только я, пустая квартира и телевизор. Ну и шоколадные печеньки.

Телефон зазвонил рано утром, когда я как раз стояла на кухне, смотрела в окно на серый декабрь и размышляла, есть ли смысл наряжать ёлку, если единственный, кто её оценит, — это я и пылесос.

— Лар, привет, — начал мой бывший муж осторожно, тем самым тоном, которым обычно говорят с тяжелобольным. — Я тут... ну... в общем... Хотел узнать, как ты.

— Отлично, — ответила я. — Лучше всех.

— Я серьёзно, — сказал он мягко. — Просто... скоро Новый год. Я подумал... тебе, наверное, непросто.

— Не переживай. Я жива, здорова... насколько это возможно. Работаю. Вожу машину. Даже ёлку, может быть, куплю. Мир не рухнул из-за твоего адюльтера, не надейся.

— Ну... — он вздохнул. — Я рад. Правда. Ты это, звони, если что...

— Обязательно, — ответила я и собиралась положить трубку, но Андрей не унимался.

— Я хотел спросить, может, тебе что-то нужно? Помощь какая-то? С машиной, с покупками... мало ли. Что-то привезти, увезти, закупить... Если вдруг что — сразу звони. Мы же не чужие друг другу...

Я промолчала. «Не чужие» — это звучало почти как «родственники», только на новый лад.

Он вдруг стал говорить быстрее, как будто боялся, что я не дам ему договорить:

— Просто я переживаю. Ты одна, сейчас праздники... я подумал, может, тебе будет тяжело.

Я уже собиралась закончить пустой разговор, потому что бывший муж стал невыносимо сильно меня раздражать, когда он вдруг выпалил:

— Лар... Тут ещё... один моментик.

И по интонации я сразу поняла: сейчас будет что-то лишнее. То, что можно было бы и не говорить. Но он скажет. Потому что ему нужно сказать. Облегчить свою совесть?

— Слушаю.

Он глубоко вздохнул. Прямо слышно было, как собирается.

— Мы с Мариной... — он снова запнулся. — В общем... мы ждём ребёнка.

— Поздравляю, — сказала я автоматически. Так, как говорят на работе, когда коллега сообщает о чём-то личном, но ты не совсем понимаешь, зачем тебе это знать.

Он выдохнул — явно с облегчением.

— Спасибо. Я... я просто хотел, чтобы ты узнала об этом от меня. Не от наших знакомых или родственников...

— С наступающим, — сказала я и отключилась.

Глава 7

После этого звонка мне понадобилось время, чтобы понять, что именно меня так задело. Это точно не боль от нашего расставания и его измены — она была привычной, фоновой. Не ревность — с этим чувством я давно разобралась. И даже не обида.

Это было что-то другой, что-то гораздо глубже и неприятнее, потому что касалось не его и не его Мариночки, а меня самой.

Наверное, дело было в том, что впервые мне стало отчётливо, почти физически ясно, насколько короток этот самый наш бабий век. А ведь Андрей даже старше меня! И при этом он может начать всё сначала, завести новую семью и даже ребёнка, может снова играть в молодого отца. А я — уже нет. Даже если бы вдруг очень сильно захотела. И вот это осознание резануло неожиданно больно.

При этом мне, может, всё это совершенно не нужно, но сам факт.

Факт того, что его тело всё ещё предлагает ему варианты, а моё — выставило чёткие временные рамки.

Вряд ли кто-то из наших знакомых и друзей поверит, но мне искренне не хотелось быть на его месте. Всему своё время. У меня нет ни малейшего желания снова входить в ту же реку, которую когда-то я проплыла от начала и до конца.

Мне дважды посчастливилось пройти этот путь — стать матерью. Сначала в двадцать, потом в двадцать пять. Я хорошо помнила, какого это — не спать ночами, жить по режиму, быть всё время на чеку, разрываться между работой, домом и детьми. Как тело долго приходит в себя, как ты перестаёшь принадлежать себе полностью. Я прожила материнство честно, без побегов и поблажек. Насладилась им сполна — насколько вообще можно наслаждаться чем-то настолько выматывающим и одновременно бесконечно важным.

Время моего материнства было прекрасным, но сейчас я совершенно точно хочу другого.

Не потому, что в пятьдесят жизнь заканчивается — на мой взгляд всё совершенно наоборот. Она наконец перестает быть гонкой и начинает снова принадлежать только одной тебе и твоему любимому человеку. Ты можешь наслаждаться свободой, не обременённой маленькими детьми и вечным чувством долга. Наслаждаться зрелыми отношениями, где не надо никому ничего доказывать.

Хочется просто быть рядом. Хочется путешествий и поездок. Хочется сесть в машину и уехать куда глаза глядят, не сверяясь с дневным сном и графиком школьных каникул.

И я вдруг вспомнила, как сильно Андрей мечтал съездить на Байкал. Говорил об этом с таким вдохновением! Мы тогда всё время откладывали поездку. Некогда, не до этого, с маленькими детьми лучше съездить на море. Потом опять всё время некогда — работа, дела, финансовая помощь под-

росшим детям. Потом вроде стало можно — и оказалось, что уже поздно для «нас».

А ведь мы с ним могли вместе жить эту замечательную свободную жизнью и дышать полной грудью — без погони за призраками молодости, которую всё равно не вернуть. Просто жить, наслаждаясь друг другом. Смотреть в одном направлении, строить планы не от необходимости, а от наших желаний.

И от этой мысли стало особенно горько. Не из-за ребёнка, не из-за Марины, не из-за того, что у них что-то так получилось. А из-за того, что та жизнь, в которой всё это было возможно, осталась где-то позади — потому что он выбрал начать всё сначала.

И теперь моему бывшему супругу предстоит заново пройти весь этот нелёгкий путь. Бессонные ночи из-за зубиков, газиков, температур и бесконечного «почему он опять плачет». Первые три года жизни ребёнка безжалостным бульдозером проезжаются по личной жизни молодых супругов, и далеко не все из них могут это испытание выдержать. Так что впереди у Ковалёва серьёзные трудности...

Кроме того, каким бы ни было его воодушевление, природе никто не отменял. Всё это ощущается иначе, чем в двадцать или тридцать лет. И никакая Мариночка, даже самая молодая и влюблённая, этого не изменит.

Я не злорадствовала — нет. Скорее рассуждала спокойно, почти философски. Как человек, который уже прошёл

этот путь и знает, что за красивыми словами «чудо» и «любовь» всегда стоит очень конкретная реальность. Подгузники, недосып, ответственность.

С этими мыслями я, кряхтя и придерживаясь за перила, выбралась во двор. Уже пора было выдвигаться на работу, кроме того, хотелось проветрить голову от новостей.

Солнце ещё не взошло, но во дворе было ослепительно светло от навалившегося за ночь снега. Холод сразу же пробрался под куртку, напомнив, что зима наступила надолго и всерьёз.

Я посмотрела туда, где вчера оставила машину, и вздохнула. Моей машины там не было. Вернее, она была — где-то там, под приличным сугробом. Виднелся только край зеркала и кусочек чёрной двери. Остальное щедро и безжалостно завалило.

Я подошла ближе, оценивая масштаб бедствия, и очень скоро поняла: самой мне её не выкопать. Нога всё ещё предательски ныла при каждом шаге, а рука до сих пор не простила мне тот злосчастный гололёд.

Но понимание — это одно, а привычка всё делать самой — совсем другое.

Я всё равно прошла к машине, достала из багажника лопатку и осторожно начала откидывать снег. Сначала медленно, экономя силы. Потом чуть быстрее — как будто надеялась, что, если ускорюсь, дело пойдёт веселее. Снег был тяжёлый, влажный, липкий. Он не хотел поддаваться и валил-

ся обратно, словно издеваясь надо мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.